

**ОТ ПЕЛЕНОК К ПЛАТЬЯМ: МЛАДЕНЧЕСКАЯ
ОДЕЖДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМАНСИПАЦИОННЫХ
И СЕКУЛЯРИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ***

Наталья Пушкарева

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

Наталья Мицюк

Смоленский государственный медицинский университет,
Смоленск, Россия

**FROM SWADDLING TO DRESSES: INFANT CLOTHING
AS A REFLECTION OF EMANCIPATION AND
SECULARISATION IN REFORM-ERA RUSSIA****

Natalia Pushkareva

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Natalia Mitsyuk

Smolensk State Medical University,
Smolensk, Russia

This article fills an important gap in the study of early childhood culture in Russia and the social history of material culture between the nineteenth and early twentieth centuries. The authors argue that changes in children's clothing reflected

* При поддержке гранта Президента РФ для молодых докторов наук «Формирование и развитие института материнства и младенчества в истории России XVII–XX вв.», МД-3743.2018.6. Разработка проблем женской автобиографической памяти ведется в рамках проекта РФФИ 19–09–00191.

** *Citation:* Pushkareva, N., Mitsyuk, N. (2019). From Swaddling to Dresses: Infant Clothing as a Reflection of Emancipation and Secularisation in Reform-Era Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 648–666. DOI 10.15826/qr.2019.2.399.

Цитирование: Pushkareva N., Mitsyuk N. From Swaddling to Dresses: Infant Clothing as a Reflection of Emancipation and Secularisation in Reform-Era Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 648–666. DOI 10.15826/qr.2019.2.399 / Пушкарева Н., Мицюк Н. От пеленок к платьям: младенческая одежда как отражение эмансипационных и секуляризационных процессов в пореформенной России // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 648–666. DOI 10.15826/qr.2019.2.399.

some important social processes through which a new type of parenting and maternity began to rapidly form in Russia. This was accompanied by the emergence of new features in the class difference visualisation and demonstrative behaviour of the elite. That people decided to stop swaddling infants and started making them dresses is associated with changes in child care practices. These changes were caused by the emancipation, the westernisation and secularisation of the educated classes in Russian cities, the commercialisation of infant fashion, and the influence of new agents (representatives of the medical community, atelier owners, fashion magazine editors, etc.) on the everyday life of townspeople in Russia. This illustrates the process behind the formation of ideas concerning gender differences and gender stereotypes in new conditions. The analysis of practices connected with dressing infants relies on the historical and anthropological approach and sociological theories of fashion, with reference to visual sources (museum artifacts, photographs, and advertising images), fashion magazines, ego-documents, and early medical literature. The authors demonstrate that until the eighteenth century, the practice of dressing infants from all classes was simple and universal: in the following period, which lasted a century and a half, there were considerable changes in the practices of dressing infants depending on class. During the second half of the nineteenth century, representatives of the educated urban class dressed their newborns in accordance with the demonstrative function of “conscious parenthood”. Children’s fashion was gradually turning into a special social institution. Despite the stability of swaddling practices in rural Russia, among townspeople the infant was “emancipated” rapidly: swaddling practices became less common. Infant fashion became independent. Between the 1900s and 1910s, tight corsets and bodices ceased to be used; infant clothes became functional, practical, child-oriented, and clearly gender-marked.

Keywords: infancy; history of childhood; motherhood; history of clothes; swaddling; history of motherhood.

Статья восполняет существенный пробел в изучении культуры раннего детства в России и социальной истории вещного мира XIX – начала XX в. Авторы доказывают, что изменения в детской одежде отразили ряд важных социальных процессов, когда в России стал быстро формироваться новый тип родительства и материнства, сложились новые особенности визуализации сословно-классовых различий и демонстративного поведения элиты. Тема отказа от пеленок и перехода к пошиву детских костюмов и платьев – это история перемен в практиках ухода за новорожденным, связанных с эмансипацией, вестернизацией и секуляризацией общественного сознания образованного сословия российских городов, история коммерциализации младенческой моды, влияния новых агентов (представителей медицинского сообщества, владельцев ателье, редакторов модных журналов) на повседневную жизнь горожан в России, история того, как в новых условиях формировались представления о гендерных различиях и укреплялись гендерные стереотипы. Анализ практик укрывания детского тела проведен на основе историко-антропологического подхода и социо-

логических теорий моды с опорой на визуальные источники (музейные артефакты, фотоматериалы, рекламные образы), тексты журналов мод, эго-документов, ранней медицинской литературы. Доказано, что до XVIII в. практики укрывания младенцев всех сословий были просты и универсальны. В течение полутора веков шел процесс поляризации практик одевания младенцев разных классов. В образованном городском сословии второй половины XIX в. гардероб новорожденного приобрел демонстрационную функцию «сознательности родительства». Детская мода превращалась в особый социальный институт. Несмотря на устойчивость практик у сельского населения, в среде горожан ребенок «эмансипировался», освобождался от тугого пеленания и свивания. Младенческая мода получила самостоятельность. На протяжении 1900–1910-х гг. исчезли тугие корсеты и лифы, одежда стала функциональной, практичной, ориентированной на детей, жестко гендерно маркированной.

Ключевые слова: младенчество; история детства; материнство; история одежды; пеленание; свивание; история материнства.

Детская одежда не может похвастаться многовековой историей: пока ребенок считался «неполноценным взрослым», никаких особых одеяний, ориентированных на малышей, не шилось. Считается, что «открытие детства» состоялось не ранее «золотого века частной жизни», в XVIII в. [Аръес]. Для ряда стран Европы акцент на внимании к ребенку, на превращении любви к детям в самостоятельную нравственную ценность отнесен к XIX в., который вошел в историю в том числе как «век ребенка» [Кей]. История «детской моды», точнее, особой детской одежды, берет начало с рубежа XVIII–XIX вв. [Weber-Kellermann].

Нам, обратившимся к истории материнства, представляется важным выявить и проследить своеобразие практик укрывания детского тела в русской культуре Нового и Новейшего времени, преимущественно в ее «образованном сословии»: именно оно было носителем новаций, и именно с него начались многие эмансипационные и секуляризационные процессы [Мицюк, Пушкарева]. Мы предполагаем, что изменения в детской и младенческой одежде могли отражать некоторые социальные процессы в обществе, ведь позднее Новое и раннее Новейшее время – это эпоха формирования нового типа родительства и материнства, новых приемов визуализации сословно-классовых различий и демонстративного поведения элиты. Придерживаясь историко-антропологического подхода и приемов новой социальной истории, мы считаем эвристически полезным описать процесс изменений в материальной культуре раннего детства, поскольку он характеризует и успехи в развитии науки, и рационализацию и секуляризацию сознания, и внедрение медицинских и педагогических идей в повседневную жизнь людей, которая постепенно все более коммерциализировалась. И, конечно, изучение культуры

младенчества, помимо особой предметной самостоятельности, вносит вклад в изучение истории повседневности [Новикова], женской истории, истории родительства и детства [Мицюк, 2015].

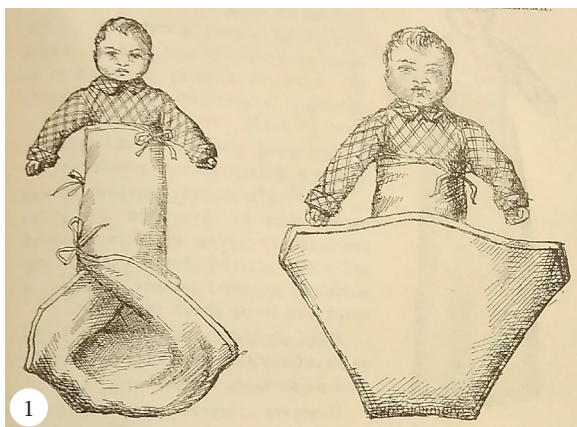
Для нас представляют важность подходы феминистской антропологии и гендерной истории, нацеленные на проблематизацию женского опыта. В размышлениях над историей рождения тенденций в детской моде нам были полезны классические теории Г. Зиммеля и Т. Веблена и относительно современные концепты социологии моды П. Бурдьё и Р. Барта [Гурова]. Что касается эмпирического материала, то были привлечены самые различные виды и типы источников: этнографические исследования крестьянского быта разных регионов Российской империи, фотоматериалы, женские журналы и журналы мод, источники личного происхождения, научная и научно-популярная медицинская литература по уходу за новорожденными и акушерству, наконец, музейные артефакты (выставка коллекции ГИМ «Детский костюм XVIII – нач. XX в.» в Москве в феврале-марте 2013 г., выставка «Детство во дворце» музея-заповедника г. Гатчина 28.10.2016–02.04.2017 г., выставка частной коллекции А. Приймака «Архитектура платья», Санкт-Петербург, 11.03–11.04.2011).

«Упелёживание» (пеленание)

У всех народов самым древним и привычным способом укрывания детских тел, своего рода «протоодеждой», были *пелёны*, *пеленки*. В русской деревне вплоть до XX в. бытовали представления, что лучшая одежда для упелёживания – это старая, обветшавшая, а потому мягкая рубашка родителей. Как наследие Средневековья, когда младенческое состояние считалось переходным от животного к человеческому [Пушкарева], в повседневных практиках оставалось желание «исправить» естественную младенческую позу: ребенка распрямить, ноги его вытянуть. У русских, как и у других народов Российской империи, основные техники пеленания сложились задолго до XIX в. [Павлова], о чем свидетельствуют житийные допетровские фрески. Сформировалась особая техника пеленания: вместе с распрямленными ручками младенца заворачивали вначале в тонкую, затем в теплую пеленку или отрез пикейной ткани. Ребенок был витриной положения семьи в обществе, богатства рода и клана, представлений о вкусе и культуре родителей, так что пеленки и *свивальники* в благородном сословии могли быть весьма богато украшенными.

Эмоциональные ощущения от свивания представлены в воспоминаниях Т. Л. Сухотиной-Толстой, видевшей бесконечные пеленания своих братьев: «...помню себя туго спеленутой, негнущейся куклой...» [Сухотина-Толстая, с. 37]. Даже убежденные сторонники западных тенденций ухода за новорожденным прибегали к длительному пеленанию; в этом признавалась и известная либеральная феминистка Е. И. Конради [Конради, с. 6].

Во Франции, Германии, Англии, США с конца XVIII и до начала XX в. использование пеленок и свивальников прекратилось [Калверт, с. 94–100]; в России об этом заговорили, особенно детские врачи, не ранее 1870-х гг. [Манасеина, с. 63]. Критика пеленания в России была сдержанна. Вместе с появлением рекомендаций главного специалиста по уходу за детьми начала XX в. в России В. Н. Жука вместо пеленания все чаще стало использоваться завертывание: дитя спеленывали лишь от груди до ног, оставляя ручки на свободе (ил. 1). В воспитательных домах продолжали туго пеленать. Важен

был экономический фактор: пеленки стоили дешевле, для их шитья не требовалось навыков. В условиях сурового российского климата многослойное пеленание сохраняло тепло. Врачи помогали научно обосновать целесообразность этого (обычно называли при этом профилактику ис-

кривления позвоночника, пупочных грыж, излишнего напряжения мускулатуры, переохлаждения, нанесения ран ребенком самому себе, создание удобства для его ношения) [Покровский, 1890, с. 6–64]. Модели свивальников, в том числе вязаных, можно было найти в модных журналах до конца XIX в. [Модный магазин, 1882, № 4, с. 26]. Они встречались в дорогих наборах одежды для кукол; играя, девочки обучались навыкам пеленания и свивания [Вестник моды, 1885, № 48, с. 542].

Свивание сохранялось в крестьянской среде вплоть до 1940-х гг. (дошло до настоящего времени в ритуале завязывания голубой или розовой ленты на спеленутом младенце, которого забирают из роддома); пеленание актуально вплоть до настоящего времени.

Младенческое приданое

В городских семьях с середины XIX в. стало обыкновением готовить для новорожденного целый гардероб. Утверждавшийся концепт «сознательного материнства», детоцентристская направленность семейной жизни превращали это действо в своеобразный ритуал, предусмотренный до рождения дитя [Мицюк, 2014]. Появился и термин *приданое* в контексте подготовки к родам [Новицкий, с. 239; Конради, с. 2]. Это резко отличало семьи горожан, благородного сословия

от крестьянских, где сохранялось устойчивое поверье: одежда, приготовленная до рождения ребенка, плохой знак (дитя может умереть) [Покровский, 1884, с. 110].

Младенческую одежду продавали лишь в крупных городах, остальным «сознательным матерям» приходилось обучаться кройке и шитью. Популярны женские журналы убеждали, что любая мать может самостоятельно подготовить гардероб новорожденного [Беррис, с. 109]. В провинциальных городах стали популярны курсы кройки и шитья для детей, открывавшиеся при ателье и модных мастерских. Очевидно, что посещение таких курсов рождало новые формы женской коммуникации, способствовало возникновению гендерно-сегрегированных социальных групп. Скажем, тверская дворянка Лиза Селикова подробно рассказала о том, что с началом беременности стала чаще ходить к знакомым, имеющим маленьких детей: «В июне жду себе маленькую детку и теперь готовлю ему парадное... я все хожу к знакомым, у которых есть дети, и смотрю, но мне что-то все не нравится...» [ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 4]. В начале XX в. технические новшества проникли и в эту сферу семейной жизни; так, Е. Н. Половцова писала о том, что многие вечера проводила в шитье младенческого белья «на машинке» [ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. № 56. Л. 57].

В деле подготовки приданого новорожденному участвовала мать беременной дочери, это частый вопрос в женских письмах («Напиши, пожалуйста, не нужно ли чего-нибудь твоему будущему маленькому»; «Рубашечки мне мама делает... нагруднички да фуфаячки...») [ГАСО. Ф. 201. Д. 34. Л. 12 об.; ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 5]. Куда реже в подобных приготовлениях участвовали матери молодых отцов (свекрови) [Ахматова, с. 50].

В обеспеченных городских слоях минимальный гардероб новорожденного состоял из 10–20 штук полотняных и бумазейных распашонок, нескольких треугольных косынок и набора полотняных и бумазейных пеленок (до «7 дюжин», то есть 84 штук) [Манасеина, с. 58]. Врачи велели дополнять этот базовый состав «приданого» подгузниками, слюнявчиками, кофточками.

Новые предметы вещного мира младенца (конверты, постельки, пакеты, детские матрасы, тюфяки)

Устаревшие свивальники предлагалось заменять детскими *конвертами* («тюфячками», «пакетами», «матрасиками»); именно они поступили в продажу с 1870–1880-х гг. XIX в. в крупных российских городах. Впервые конверты были апробированы во Франции, а родились там из традиционной практики припеленывывать младенца к тюфяку. В Россию мода них пришла из Англии, где детей не пеленали, а носили на руках в таком конверте. Конверты рекомендовалось использовать до полугода [Модный курьер, 1899, № 19, с. 153]. Детский конверт состоял из матрасика и подстилки, защищавшей от про-

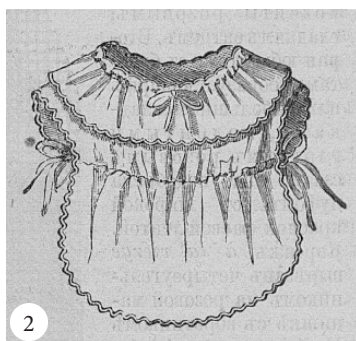
текания. Конверты продавались в специализированных магазинах в крупных городах, были богато декорированы и стоили «безобразно дорого» [Жук, с. 575]. Некоторые предприимчивые матери предлагали варианты усовершенствования детских конвертов. Так, вдова врача, владелица частной женской гимназии в Казани Л. П. Шумкова экспонировала на одной из гигиенических выставок детский матрасик, набитый мочалом [Там же, с. 571].

Журналы мод конца XIX в. пестрели выкройками нарядных тюфячков и практичных раскладных конвертов, именовавшихся *детская постелька* и *конвертик разложенный* [Жук, с. 572; Новый русский базар, 1881, № 19, с. 203; Вестник моды для портних, 1894, № 27, с. 266]. Последний вариант предполагал помещение ребенка в конверт сквозь прорезь, наличие в нем боковых лацканов; немало вариантов было и с тесемками, застежками. Преимуществом конвертов была свобода движения ребенка при сохранении тепла. Педиатры считали *постельку* умеренным вариантом пеленания, поскольку с появлением конвертов в России неожиданно стали совмещать старые и новые способы ухода за младенцем: его продолжали легко спеленывать или даже свивать, но после укладывали в конверт.

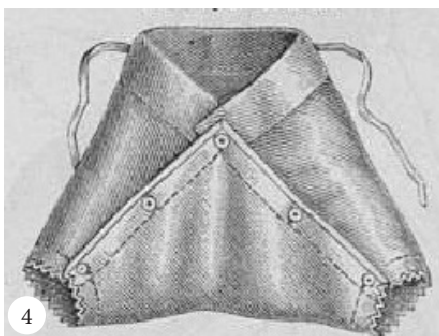
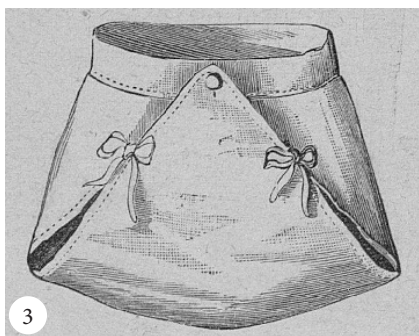
Распашонки, рубашки, сорочки, баветки, подгузники – основная одежда детей до года

Каждый новый этап жизни младенца в пореформенной России отмечался новыми элементами одежды. Едва чадо подрастало, как наступал черед распашонок, платьев и рубашек. В крестьянских семьях в обиходе была только рубашка, которая была крестильной одеждой. Распашонки, как правило, имели короткие рукава. Руки младенца при этом нетуго завертывали в особую тонкую пеленку – *подручник*. Распашонки с длинными рукавами стали в конце XIX в. новшеством, практикуемым в городской среде. Законодателями форм и фасонов были врачи, которые на страницах своих изданий сыпали доводами в пользу большей свободы движений. Вполне разумным было предложение гигиенистов шить распашонки с рукавами длиннее детской руки: ребенок не мог себя поцарапать [Жук, с. 560]. Такие распашонки рекомендовалось носить примерно до трех месяцев, а затем заменять их уже рубашками. Из материалов более всего в ходу были полотно, бумазая, фланель, пике; одна распашонка могла иметь более широкие рукава, чтобы считаться верхней. В зимнее время рекомендовалось надевать младенцу три распашонки из различных материалов одну на другую [Жуковский, с. 14]. Чаще всего распашонки делали без пуговиц, иногда с завязками-тесемками, надевались они спереди назад. Они так и оставались незастегнутыми. Появился фасон особых русских распашонок с минимальным количеством швов [Покровский, 1910, с. 105], который, по сути, сохранился до сегодняшнего времени.

Еще одной неперменной частью приданого новорожденного были *слюнявчики*, *нагрудники*, сделанные из толстой бумажной ткани (пике). В аристократических семьях детям надевали *баветки* (фр. *bavette* – нагрудник) – удлиненные слюнявчики с прорезями для рук (ил. 2). Врачи, заботившиеся о недопущении пупочных грыж, рекомендовали всем матерям надевать детям особые пояски, предохранявшие от излишнего перенапряжения мышц живота [Модный магазин, 1882, № 3, с. 18].

История подгузников тесно связана с историей эмансипации и секуляризации сознания, поскольку в основе внедрения разных новшеств в этой области лежало стремление дать индивиду большую свободу: ребенку – свободу движения, его матери и вообще родителям – больше личного времени. В 1887 г., когда в США было налажено массовое производство подгузников из ткани (запатентованных американкой М. Аллен), в России предпочитали использовать квадратные платы 50 на 50 см, которые складывали таким образом, чтобы углы треугольника завязывать на бедрах ребенка. Такие платы могли именовать *подгузками*, *подгузниками*, *подстилками*. Под ягодицы ребенка широкой стороной клали треугольную косынку и два конца этой широкой стороны выкладывали на живот, третий конец проводили между ногами и также выкладывали на живот. Таким образом, подгузники являлись обычным куском материи, который после правильного пеленания превращался в свободные панталончики. Популярность имели *свивальники в виде панталон* и *панталоны-пеленки*, они были чем-то средним между подгузниками и панталонами, которые для легкости снятия были снабжены пуговицами (ил. 3, 4).

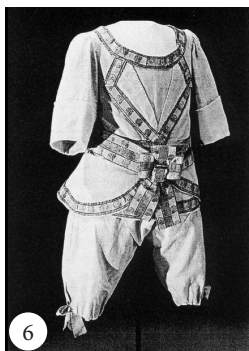
Корсеты и лифики

Вместе с приходом стиля ампир *лифы* и *корсеты* в детской одежде с начала XIX в. были подвергнуты критике, везде – но только не в России, где они возникли в обиходе с запозданием, вместе с вестернизацией страны. Считается, что идею их внедрения завезли в Россию европейские бонны и гувернантки. Лифы и корсеты видны на изображениях дворянских детей XVIII–XIX вв., ведь детская мода копировала моду взрослых. Считалось, что корсет сформирует на всю жизнь корпус и силуэт ребенка. Корсеты предназначались для детей старше года, лифики надевали даже новорожденным. Шились они плотными, прокладывались шнурами, китовым усом. Корсеты имели шнуровки, лифы – нет, но все же были достаточно плотными и могли доходить до низа живота, хотя чаще достигали лишь пупка и охватывали главным образом грудную клетку.

Со второй трети XIX в. врачи буквально объявили войну детским корсетам и утяжкам [Жук, с. 558], но они были повсеместно распространены в дворянских семьях на всем протяжении XIX в., их выкройки встречаются в любом модном журнале [Вестник моды, 1885, № 18, с. 203]. Данный элемент детского гардероба имел изумительную устойчивость, но его функциональные свойства менялись, и не без врачебного вмешательства. Лифы постепенно стали использовать для крепления к ним панталонов и штанишек. Вполне вероятно, что идея сконструировать такой новый элемент младенческого гардероба, как *комбинезончик* (для любимого внука Александра I), родилась не без участия матушки-императрицы (ил. 5, 6) [Письмо Екатерины II, с. 316]. Однако в широкое употребление данный элемент

5

6

младенческого гардероба тогда не вошел и еще долгое время был непопулярным и безымянным.

Сильны были и предрассудки в отношении гендерных различий в одежде. Гигиенисты советовали де-

вочкам носить исключительно юбки и крепить их к низу плотного лифа; для мальчиков, соответственно, рекомендовалось крепить к лифу панталоны (ил. 7) [Филиппов, с. 111]. Ползунки считались «ночным костюмом», их рекомендовали надевать на «зябких», «беспокойных» детей (ил. 8).

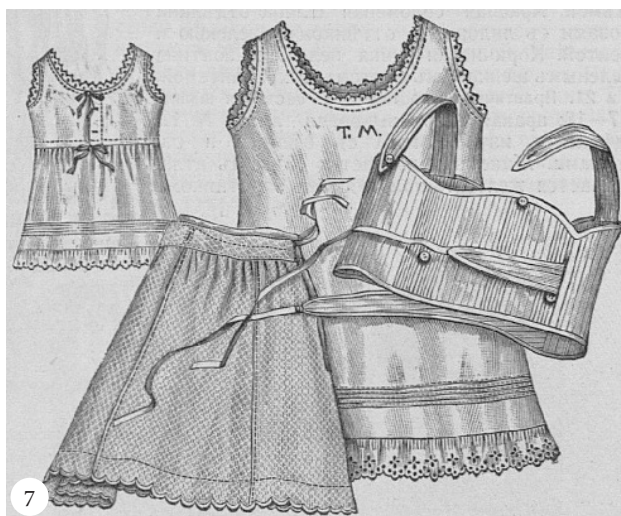
Платья, костюмчики, капотики, салопчики, шемизетки

Во многих европейских культурах гендерных отличий в детской одежде до трех лет не существовало, что связывают с концептом «невинного дитя», «бесполого создания» [Paoletti]. В русской крестьянской традиции бесполость одежды ребенка была обусловлена практичностью: вещи от старших переходили к младшим, практически все шилось из серо-белой домотканины, дети обоего пола бегали в длинных прямых рубахах-платьях. Детские платья в семьях горожан также поначалу были одинаковые для мальчиков и девочек («мальчиков следует одевать первые годы так же, как и девочек» [Манасина, с. 189]). «Помню брата Мишу, которого тогда водили в платтяцах», – вспоминала провинциальная дворянка [Афанасова, с. 2]. Главным в пользу женского типа одежды – платьев – в первые годы жизни был аргумент практичности в вопросах гигиены.

В 1860-е гг. среди платяниц для младенцев доминировали уменьшенные копии взрослых одеяний с широкой насборенной юбкой и даже с открытыми плечами. В 1870-е гг., будто опомнившись и ориентируясь уже не на кокетливую Францию, а на викторианскую Англию, конструкторы младенческой одежды резко изменили выкройки. Революционную роль сыграла публикация в 1885–1886 гг. английского романа Ф. Х. Бернетт «Маленький лорд Фонтлерой» – вместе с ним даже в младенческую моду проникли шотландская клетка и бархат, появились стилизованные под шотландский килт (юбку для мужчин) костюмы (ил. 9).

Платья для маленьких детей на страницах модных журналов стали отличаться сложностью исполнения, разнообразием материала (батист, бархат, парча, атлас, реже – шерсть, шерстяной ондин, шерстяной атлас, сукно, рубчатый муслин, фланель) и большим количеством декора (оборки, складки, прострочкой, банты, передники, воротники, рукава сложного кроя) [Новый русский базар, 1881, № 1, с. 8; Модный магазин, 1882, № 2, с. 10]. Ребенку было тяжело в них передвигаться, они могли натирать в сгибах и складках, но покупались для исполнения главного предназначения – репрезентировать финансовые возможности семьи и демонстрировать «идеального» ребенка образцовой фамилии. Платья и костюмы для девочек и мальчиков все так же не отличались фасоном, орнаментом. «Костюм ребенка 2–4 равно годится как для маленького мальчика, так и для девочки», – объявлял модный журнал [Моды и рукоделья, 1876, № 3, с. 1]. В костюме мальчика запросто могли присутствовать такие детали, как юбка, банты.

Почувствовав золотую жилу в наставлениях педагогов – противников пеленания, индустрия детской моды развернулась во всю ширь во второй половине XIX в. Мода на одежду для младенцев культивировалась модными журналами, владельцами ателье и первыми детскими магазинами. В столице империи при мастерской «Мадам Зина», специализировавшейся на изготовлении корсетов, в 1894 г. открылись «Мастерская и магазин детских платьев и костюмов» (ил. 10). Следом

7

8

9

Единственный громадный выборъ готовыхъ
ДѢТСКИХЪ
 платьевъ, костюмовъ и пальто
 для дѣвочекъ и мальчиковъ всѣхъ
 возрастовъ, а также шляпъ, бѣлья,
 чулокъ и проч. Заказы исполняются
 въ собственныхъ мастерскихъ по
 новѣйшимъ парижскимъ моделямъ.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ
 «Дѣтскія Моды» высылается за 14 к.
 марками.

М-мъ ЗИНА Мойка, д. № 64,
 у Синяго моста. 3-1

10

в Москве, Киеве, Риге быстро стали популярными детские магазины «Детское воспитание» М. А. Мамонтовой, «Мать и дитя», «Детский мир А. Ваховской», «Мастерская детских нарядов Т. А. Ежиковой», «Детское платье М. П. Мезенцева» [На помощь матерям, 1894, № 5, с. 46]. Так, в стране к концу XIX в. сформировалось «поле потребления младенческой моды» (П. Бурдьё). Ее носителями были не самые зажиточные слои общества – горожанки, следовавшие модным тенденциям и желавшие подражать знати в соответствии с утверждавшейся идеологией «сознательного материнства»: врачи рекомендовали самые простые по крою, практичные для перемены белья платья для младенцев, а в модных журналах рекламировались сложно декорированные.

Детские платьица приобретали свои особые фасоны, не повторявшие силуэты дамских платьев. Вместо длинных платьев в обиход вводились короткие, которые следовало носить с длинными панталонами («Я помню, в детстве мы ходили в особенных платьях: очень коротких и пышных, а из-под них выглядывали длинные-предлинные, до самых ступней, панталоны с оборками и кружевами» [Лукашевич, с. 6]). Детская одежда становилась все более приспособленной для нужд ребенка, свободной. К примеру, в эпоху Александра III в одежде для мальчиков приобрели популярность русские народные рубахи – косоворотки. Этот свободный и простой вариант детской одежды особенно защищали гигиенисты.

Модные журналы предлагали универсальные модели для детей обоего пола до трех лет и именовали их на английский лад «платьями бэби», дополняя воланами, пуговицами, складками [Моды и рукоделья, 1876, № 8, с. 8]. На рубеже столетий вместо тугих лифов в гардеробе детей до года стали доминировать комбинированные платьица как соединение платья и пеленки: подол платья был такой длинный, что его можно было использовать для заворачивания, запеленывания [Новый русский базар, 1881, № 19, с. 203]. Как и прежде, крой и расцветка платьев не выдавали гендерной принадлежности детей. Тонкие ткани вроде батиста шли на пошив легчайших детских *шেমизеток* (фр. *chemisette* – манишка, блузка) – рубашек или даже распашонок с плиссировкой и кружевами. Они выглядели нарядно, предназначались и для мальчиков, и для девочек, в них позировали на дагерротипах и перед живописцами (ил. 11).

В холодное время детей часто кутали в *капотик* (фр. *capot* – чехол) – распашную одежду, похожую на халат. Взрослые такую одежду уже не носили, а гардероб маленьких ее включал. Удобство капота объяснялось свободным, простым кроем и практичностью (носили и дома, и на улице). Помимо капотика, популярным был *салончик* (*салоник*), напоминавший пелерину, предназначенную для прогулок (ил. 12). В тех семьях, где была няня, в обиходе имелся и «наряд няни».

Под влиянием выступлений гигиенистов и педиатров детская одежда к началу XX в. стала функциональной. Чем скорее развивалось массовое производство одежды, тем практичнее и проще становились пла-

тья и панталоны для маленьких, они стали свободными, закрытыми, теплыми, с малым числом деталей декора. Платья для девочек теперь очевидно отличались от одежды взрослых женщин. Заниженная талия стала отличительной чертой детских платьев [Васильев, с. 34]. Такой крой не сковывал движения и отражал потребности ребенка. В детском варианте платья все так же дополнялись панталончиками. Гигиенисты настаивали на практичности русской национальной одежды, поэтому модные журналы начала XX в. начали предлагать платья для девочек «в русском вкусе» – без тугих лиффов, с использованием идей сарафана и душегреи [Модный курьер, 1899, № 23, с. 187].

Другой характерной чертой детской одежды начала XX в. стали маринистские сюжеты (сине-белая расцветка) и матросский костюм и тельняшка, ставшие популярными после военно-морской реформы 1874 г. Если прежде в матроски наряжали детей среднего возраста, то на рубеже веков появились матроски для двухлетних. Гигиенисты критиковали находившиеся на пике популярности матросские и шотландские костюмчики «с массой прошивок, кружев, лент» как стесняющие свободу движений, «неравномерно стягивающие или согревающие тело, с голыми ногами и руками» [Филиппов, с. 116].

Анализ текстов и иллюстраций в российских журналах 1905–1915 гг. показывает динамичные перемены в младенческой одежде: гендерные различия стали очевидными. Вероятно, на это повлияла и педагогическая литература о важности раннего развития детей и актуализации в них мужских и женских черт. Платья и передники из универсальной одежды стали атрибутом одежды девочек, которые перестали быть копией платьев для взрослых [Вестник моды, 1885, № 18, с. 200]. Для зажиточной части горожан детская одежда шилась из бархата, парчи, атласа, в слоях победнее использовали хлопок и шерсть, декором могли служить дорогие пуговицы и пелерины.

В 1910-е гг., а особенно с началом войны, из употребления исчезли корсеты и тугие лифы. Младенческая одежда окончательно получила вид ползунков [Модный свет, 1915, № 2, с. 11]. Снижение благосостояния горожан отразилось на младенческом костюме, он стал простым. Играл роль и нравственный фактор: в дни войны вычурно украшенная одежда смотрелась бы вызывающе. Одежда мальчиков в возрасте от года приобрела маскулинные черты: в подавляющем большинстве на фото и в журнальных иллюстрациях можно увидеть ребят в шортах, брючках (ил. 13). Увлечение русским стилем отразилось на распространении косовороток и широких штанов («ямщицких»).

* * *

С вестернизаций российского общества в XVIII в. высшие слои населения стали копировать европейский стиль одежды и моду, это касалось не только детей, но и младенцев: малышей в богатых домах

облачали в уменьшенные копии одежды для взрослых. Во второй половине XIX в. «гардероб» младенцев стал быстро меняться, иллюстрируя сдвиги в развитии самого общества. Процессы урбанизации второй половины XIX в. усложнили социальную дифференциацию; развитие педиатрии и педагогики помогло рождению концепции «сознательного материнства», ставшей популярной в образованных слоях российских горожан. Внешний вид дитяти мог являть собой символ материнской заботы. Возникло понятие «приданого новорожденного», которое приобрело не только практическую, но и демонстрационную функцию.

Идея материнской заботы коммерциализировалась, важным элементом этого призваны были стать детская одежда и детская мода. Мода для новорожденных генерировалась рядом агентов, среди которых в первую очередь стоит назвать модные журналы, владельцев ателье и медицинское сообщество. Нередко они противоречили и даже противостояли друг другу, но их активность за полтора столетия привела к существенной модернизации детского гардероба. Модные журналы превратились в истинные «машины для производства моды», именно они формировали систему знаков и смысловых различий [Барт, с. 85]. Стили детской моды отражали взрослую концепцию детства.

Младенческая одежда стала разнообразной, что отражало существенные сдвиги в уходе за детьми и признание значимости самого периода младенчества. Младенческая мода формировалась в урбанизированной среде образованной и относительно состоятельной части социума. Однако, в отличие от Западной Европы, в России сохранялись и пеленание, и свивание даже в городских семьях.

К началу XX в. размывание границы между детской и взрослой одеждой в аристократических семьях и семьях среднего городского класса стало трендом времени. При этом в деревне по-прежнему господствовала традиция, и приемы укрывания детского тела, сохраненные ею, оказались слабо подвержены модным тенденциям и модификациям. В городе же наблюдался процесс стирания сословных рамок в младенческой и детской одежде, формировалось поле ее массового производства; конечно, детские одеяния продолжали играть демонстрационную функцию, но подчеркивали уже не столько статусность родителей, сколько их «сознательность», умение следовать модным тенденциям и рекомендациям гигиенистов. Особенно это стало заметно в 1910-е гг., с началом Первой мировой войны. Одежда становилась более свободной, ее покрой – демократичным и упрощенным; окончательно исчезли тугие лифы, все реже встречалось свивание (особенно в городской среде); усилились гендерные отличия в детской и младенческой одежде – жизнь семей эмансипировалась от прежних установок.

Список иллюстраций

List of illustrations

1. Новый вид пеленания со свободными ручками (Жуковский В. Новорожденный и уход за ним) // На помощь матерям. 1900. № 4. С. 21.
A new type of swaddle with arms out (Zhukovsky V. Novorozhdennyi i ukhod za nim [Newborns and Care after Them] // Na pomoshch' materyam. No. 4, p. 21.
2. Баветка // Модный магазин. 1882. № 8. С. 63.
Bib // Modnyi magazin [Modnyi Magazin]. (1882). No. 8, p. 63.
3. Панталоны-пеленка // Модный магазин. 1882. № 3. С. 18.
Swaddling trousers // Modnyi magazin [Modnyi Magazin]. (1882). No. 3, p. 18.
4. Свивальник в виде панталон // Новый русский базар. 1881. № 19. С. 203.
Swaddling trousers // Novyi russkii bazar [Novyi Russky Bazar]. 1881. No. 19, p. 203.
5. Эскиз Екатерины II на пошив ползунков для маленького внука Александра (Письмо Екатерины II к М. Х. Гримму, Царское Село, 24 мая 1781 г.) // СИРИО. Т. 23. С. 205.
Catherine II's drawing of crawlers to be made for her little grandson Alexander (Pis'mo Ekateriny II k M. Kh. Grimm, Tsarskoe Selo, 24 maya 1781 g. [Catherine II's Letter to M. H. Grimm. Tsarskoye Selo, May 24, 1781] // SIRIO. Vol. 23, p. 205.
6. Сшитый по эскизу Екатерины II детский костюмчик для внука Александра.
Baby clothes designed by Catherine II for her grandson Alexander.
7. Юбочка с лифом для девочек 1 года // Модный курьер. 1905. № 12. С. 98.
Skirt with a bodice for one-year-old girls // Modnyi kur'er [Modnyi Kuryer]. 1899. No. 12, p. 98.
8. Ползунки – «ночной костюм» для беспокойных детей // Модный свет. 1915. № 2. С. 11.
Crawlers, a "night gown" for restless infants // Modnyi svet [Modnyi Svet]. 1915. No. 2, p. 11.
9. Черный бархатный костюм для мальчика «а-ля лорд Фонтлерой» // Личная коллекция Л. Л. Степченкова.
Black velvet suit "à la Lord Fauntleroy" for boys // Private collection of L. L. Stepchenkov.
10. Реклама детского магазина // Вестник моды для портних. 1894. № 14. С. 140.
Advertisement of a children's store // Vestnik mody dlya portnikh [Vestnik Mody dlya Portnikh]. 1894. No. 14, p. 140.
11. Девочки в нарядных костюмах с шемизетками // Личная коллекция Л. Л. Степченкова.
Girls in elegant dresses with chemisettes // Private collection of L. L. Stepchenkov.
12. Младенец в салопчике // Новый русский базар. 1881. № 19. С. 205.
Baby wearing a mantle // Novyi russkii bazar [Novyi Russky Bazar]. 1881. No. 19, p. 205.
13. Костюмы для мальчиков // Модный свет. 1915. № 11. С. 12.
Suits for boys // Modnyi svet [Modnyi Svet]. 1915. No. 11, p. 12.

Список литературы

- Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
- Ахматова А.* Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М. : АСТ, 2014. 416 с.
- Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- Беррис К.* Школа кройки мужского платья штатского, форменного и детского, а также дамского верхнего платья. Митава : Тип. Г. Ландсберга, 1898. 43 с.
- Васильев А.* Детская мода Российской империи. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 230 с.
- Вестник моды для портних. 1894. № 27.
- Вестник моды. 1885. № 18, 48.
- ГАСО. Ф. 201.
- ГАТО. Ф. 1022.
- Гурова О. Ю.* Современные концепции (производства) моды в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3. С. 136–147.
- Жук В. Н.* Мать и дитя. СПб. : Изд-во В. И. Губинского, 1906. 1116 с.
- Жуковский В.* Новорожденный и уход за ним // На помощь матерям. 1900. № 4. С. 2–14.
- Журнал для хозяек. 1915. № 13, 19.
- Калверт К.* Дети в доме : Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 272 с.
- Кей Э.* Век ребенка. М. : Д. П. Ефимов, 1905. 293 с.
- Лукашевич К. В.* Мое милое детство : Автобиографическая повесть к моим читателям. М. : Сиб. благовонница, 2011. 204 с.
- Манасеина М.* О воспитании детей в первые годы жизни. СПб. : Тип. Я. Трея, 1870. 203 с.
- Мицюк Н. А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщины в российском обществе. 2014. № 2 (71). С. 17–28.
- Мицюк Н.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21–33.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л.* Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в. // Урал. ист. вестн. 2017. № 1. С. 30–39.
- Модный курьер. 1899. № 19, 23.
- Модный магазин. 1882. № 2, 3, 4.
- Модный свет. 1915. № 2.
- Моды и рукоделья. 1876. № 3, 8, 9.
- На помощь матерям. 1894. № 5.
- Новикова Т. О.* Младенчество в контексте повседневности // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 1. С. 39–44.
- Новицкий В.* Об уходе за ребенком в первые дни его жизни // На помощь матерям. 1894. № 6. С. 239–247.
- Новый русский базар. 1881. № 1, 7, 15, 19.
- ОР РНБ. Ф. 601.
- Павлова О. С.* Обычай тугого пеленания детей на Северном Кавказе: история и современность // Культура и искусство. 2011. № 6. С. 32–40.
- Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России : материалы для мед.-антропол. исслед. М. : Тип. А. А. Карцева, 1884. 379 с.
- Покровский Е. А.* Об уходе за малыми детьми. М. : Посредник, 1910. 100 с.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989. 286 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–. Т. 14. 311 с.

- Сухомина-Толстая Т. Л.* Воспоминания. М. : Худ. лит., 1980. 541 с.
Филиппов А. Н. Гигиена детей. М. : Тип. В. Ф. Кудинова, 1900. 328 с.
Paoletti J. B. Pink and Blue : Telling the Boys from the Girls in America. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2012. 192 p.
Weber-Kellermann I. Der Kinder neue Kleider : 200 Jahre deutschen Kindermoden in ihrer sozialen Zeichensetzung / unter Mitarb. von D. Eicke-Jennemann und R. Falkenberg. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1985. 345 p.

References

- Akhmatova, A. (2014). *Moi muzh Gumilev, otets Gumileva* [My Husband Gumilyov, Father of Gumilyov]. Moscow, AST. 416 p.
- Ariès, Ph. (1999). *Rebenok i semeinaya zhizn' pri Starom poryadke* [Child and Family Life under the Old Order] / transl. by Ya. Yu. Startsev, V. A. Babintsev. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 416 p.
- Barthes, R. (2003). *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. 512 p.
- Berris, K. (1898). *Shkola kroiki muzhskogo plat'ya shtatskogo, formennogo i detskogo, a takzhe damskogo verkhnego plat'ya* [The School of Making Men's Civilian Clothing, and Uniforms, Children's Clothing, and Ladies' Outer Clothing]. Mitava, Tipografiya G. Landsberga. 43 p.
- Calvert, K. (2009). *Deti v dome. Material'naya kul'tura rannego detstva, 1600–1900* [Children in the House. The Material Culture of Early Childhood, 1600–1900]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 272 p.
- Filippov, A. N. (1900). *Gigiena detei* [Children's Hygiene]. Moscow, Tipografiya V. F. Kudinova. 328 p.
- GASO* [State Archives of Smolensk Region]. Stock 201.
- GATO* [State Archives of Tver Region]. Stock 1022.
- Gurova, O. Yu. (2016). Sovremennye kontseptsii (proizvodstva) mody v sotsiologii [Modern Concepts (Productions) of Fashion in Sociology]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. No. 3, pp. 136–147.
- Key, E. (1905). *Vek rebenka* [Age of the Child]. Moscow, D. P. Efimov. 293 p.
- Lukashevich, K. V. (2011). *Moe miloe detstvo: Avtobiograficheskaya povest' k moim chitatel'nyam* [My Sweet Childhood: An Autobiographical Story for My Readers]. Moscow, Sibirskaya blagovonnitsa. 204 p.
- Manaseina, M. (1870). *O vospitanii detei v pervye gody zhizni* [Raising Children during the Early Years of Life]. St Petersburg, Tipografiya Ya. Treya. 203 p.
- Mitsyuk, N. A. (2014). Tipy rossiiskikh dvoryanok nachala XX v. po otnosheniyu k sobstvennoi fertil'nosti i materinstvu [Types of Early 20th-Century Russian Noblewomen in Relation to Their Own Fertility and Motherhood]. In *Zhenshchiny v rossiiskom obshchestve*. No. 2 (71), pp. 17–28.
- Mitsyuk, N. A. (2015). Konstruiruya “ideal'nyu mat'”: kontseptsii materinstva v rossiiskom obshchestve nachala XX v. [Constructing an “Ideal Mother”: Concepts of Motherhood in Early 20th-Century Russian Society]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. No. 1, pp. 21–33.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2017). Modernizatsiya material'noi kul'tury rannego detstva v rossiiskikh dvoryanskikh sem'yakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Modernisation of the Material Culture of Early Childhood in the Russian Noble Families of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Children's Furniture and Baby Transport]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1, pp. 30–39.
- Modnyi kur'er* [Modnyi Kur'er]. (1899). No. 19, 23.
- Modnyi magazin* [Modnyi Magazin]. (1882). No. 2, 3, 4.
- Modnyi svet* [Modnyi Svet]. (1915). No. 2.
- Mody i rukodel'ya* [Mody i Rukodel'ya]. (1876). No. 3, 8, 9.
- Na pomoshch' materyam* [Na Pomoshch' Materyam]. (1894). No. 5.

- Novikova, T. O. (2016). Mladenchestvo v kontekste povsednevnosti [Infancy in the Context of Everyday Life]. In *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*. No. 1, pp. 39–44.
- Novitskii, V. (1894). Ob ukhode za rebenkom v pervye dni ego zhizni [Caring about an Infant in the First Days of Their Life]. In *Na pomoshch' materyam*. No. 6. pp. 239–247.
- Novyi russkii bazar* [Novyi Russkii Bazar]. (1881). No. 1, 7, 15, 19.
- OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 601.
- Paoletti, J. B. (2012). *Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 192 p.
- Pavlova, O. S. (2011). Obychai tugogo pelenaniya detei na severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost' [The Tradition of the Tight Swaddling of Children in the North Caucasus: History and Modernity]. In *Kul'tura i iskusstvo*. No. 6, pp. 32–40.
- Pokrovskii, E. A. (1884). *Fizicheskoe vospitanie detei u raznykh narodov preimushchestvenno Rossii: Materialy dlya mediko-antropologicheskogo issledovaniya* [Physical Education of Children of Different Peoples, Mostly in Russia. Materials for Medical and Anthropological Research]. Moscow, Tipografiya A. A. Kartseva. 379 p.
- Pokrovskii, E. A. (1910). *Ob ukhode za malymi det'mi* [Care for Young Children]. Moscow, Posrednik. 100 p.
- Pushkareva, N. L. (1989). *Zhenshchiny Drevnei Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl'. 286 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian, 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 14. 311 p.
- Sukhotina-Tolstaya, T. L. (1980). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 541 p.
- Vasil'ev, A. (2013). *Detskaya moda Rossiiskoi imperii* [Children's Fashion of the Russian Empire]. Moscow, Al'pina non-fiction. 230 p.
- Vestnik mody* [Vestnik Mody]. (1885) No. 18, 48.
- Vestnik mody dlya portnikh* [Vestnik Mody dlya Portnikh]. (1894). No. 27.
- Weber-Kellermann, I. (1985). *Der Kinder neue Kleider: 200 Jahre deutschen Kindermoden in ihrer sozialen Zeichensetzung* / unter Mitarb. von D. Eicke-Jennemann und R. Falkenberg. Frankfurt a/M, Suhrkamp. 345 p.
- Zhuk, V. N. (1906). *Mat' i ditya* [Mother and Child]. St Petersburg, Izdatel'stvo V. I. Gubinskogo. 1116 p.
- Zhukovskii, V. (1900). Novorozhdennyi i ukhod za nim [The Newborn and Care For Them]. In *Na pomoshch' materyam*. No. 4, pp. 2–14.
- Zhurnal dlya khozyaek* [The Housewife's Journal]. (1915). No. 13, 19.

The article was submitted on 02.04.2018